

© 2001 г., ЭО, № 2

«ВРЕМЯ И КАЛЕНДАРЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ»

23 – 25 ноября 1999 г. в С.-Петербурге прошла конференция «Время и календарь в традиционной культуре», организатором которой выступил Российский этнографический музей. Оргкомитет предложил для обсуждения следующие проблемы: 1. Народный календарь и временные циклы традиционной культуры: годичный, суточный, сезонный и др.: поколения и их символизация; роль астрономического кода в обрядах и мифологических повествованиях. 2. Представления об основных этапах, событиях этнической (национальной) истории, мифологизация и сакрализация прошлого. Заявленная тематика вызвала значительный интерес у исследователей различных специальностей: этнографов, историков, культурологов, филологов, фольклористов. В адрес оргкомитета поступило 52 заявки с тезисами из Москвы, С.-Петербурга, Петрозаводска, Перми, Новосибирска, Улан-Удэ, а также из Софии (Болгария).

Работа конференции проходила в Российском этнографическом музее. Ее открыла заместитель директора по научной работе РЭМ И.И. Ш а н г и н а, выступившая с приветственным обращением к участникам конференции и отметившая особую актуальность темы времени для рубежа веков и тысячелетий.

В ходе 6 пленарных заседаний было заслушано 33 доклада. Материалы конференции¹ были изданы к началу ее работы и вызвали большой интерес в научных кругах С.-Петербурга.

Доклады были объединены по тематическим блокам:

1. Концепции хода времени.
2. Календарь как целое. Различные календарные системы.
3. Символизация неоднородности времени суток и недели.
4. Время в текстуре обряда.
5. Возраст и жизненный путь человека.
6. Историческое время и его аспекты.

Большой интерес вызвал первый блок докладов, носящих по преимуществу теоретический характер. Л.С. К л е й н (С.-Петербург) в докладе «Концепции времени в традиционной культуре» дал обзор исторической смены концепций времени. Циклическое восприятие времени и связанное с ним мифологическое время – стадияльно наиболее раннее. Позднее в рамках циклического времени возникают и другие концепции. С формированием родоплеменной организации складывалось генеалогическое время. В древнем мире появляется концепция опознаваемого времени, вызванная необходимостью дать отдельным циклам индивидуальные названия. В средневековье наиболее четко выступает линейная концепция, где имеется начало (сотворение) и конец (светопреставление).

Е.А. О к л а д и н к о в а (С.-Петербург) выступила с докладом «Циклическая "поколений" в космогонии индейцев Калифорнии», обосновав положение, что календарь последних воплощает идею циклической смены «поколений» персонажей космогонических мифов: демиургов, животных и птиц, индейцев. Эти циклы иерархизированы и соотносятся с вертикалью абсолютного времени: прошлое время творения, где действуют первые два поколения, настоящее, где существуют индейцы; будущее, когда два первых возвращаются. Эта модель мировоззренчески обосновала социально-церемониальные аспекты системы терминов родства.

Концепция «этнического» времени была предложена в докладе Е.Я. С е л и н е н к о в о й (С.-Петербург) «Превращение времени в грузинской традиционной культуре». Постулируется, что этническое время синонимично традиции, которая осознавалась грузинами как ведущая общественная ценность. В ежегодных циклических праздниках грузин предпочтение ритуально-сакрального времени очевидно. В рамках праздника допустимы регресс времени, инверсия, конструирование желаемого будущего, когда былое поражение может обернуться победой, что в конечном счете укрепляет чувство национальной гордости и жизнеспособность этноса.

В докладе В.Г. Х о л д н о й (С.-Петербург) «Роль Петровского поста в разграничении "женского" и "мужского" времени в западноукраинской весенне-летней обрядности» рассмотрена оппозиция «мужское»/«женское» время, выраженная в смене обрядовой активности женских и мужских половозрастных групп. «Женскому» времени присущи такие характеристики, как плодородие, раскрытие космических границ, проникновение природного, хаотического в привычную структуру мира. «Мужское» время начиналось с наступлением Петровского поста и соотносилось с идеями власти, миропорядка, структурности.

Концепцию «спрессованного» времени обосновал С.В. Д м и т р и е в (С.-Петербург) в докладе «Феномен "спрессованного" времени в традиционной культуре и отражение его в устном народном творчестве». Докладчик проанализировал фольклорный мотив, когда герой растет «не по дням, а по часам», интерпретируя его как отражение ритуального акта мгновенного социального взросления, осуществляемого при приеме в коллектив, ослабленный потерями, нового члена.

Доклад М.С. К у р о п я т н и к (С.-Петербург) «Сезонная дихотомия саамского общества» был посвящен такой особенности социальной жизни кольских саамов, как ее зависимость от смены сезонов года, который делился у саамов на две фазы: зиму и летне-осенний период. Зима – период оседлости, когда община собирается вместе, и поэтому общественная жизнь становится более интенсивной, активизируются межличностные контакты (гостевание). Лето – время кочевания, обособленного существования отдельных семейно-родственных групп, минимума обрядовой практик.

Второй блок докладов был особенно интересен в плане истории календарных систем, их культурного своеобразия. В докладе В.В. Е м е л ь я н о в а (С.-Петербург) «Календарные тексты Древнего Двуречья» был дан анализ трех групп источников, позволяющих реконструировать представления древних жителей Месопотамии о времени и календаре: 1) хозяйственные и административные документы времени исторического бытования местных календарей; 2) более поздние комментарии к ниппурскому календарю, ставшему в начале II тыс. до н.э. главным календарем Двуречья; 3) календарно-астрологические тексты (на их базе автор обосновывает следующую гипотезу: образная система месопотамского Зодиака находится в зависимости от системы календарных обрядов, сформировавших ниппурский календарь).

Проблеме инкорпорации древних календарных празднеств в современную политическую систему посвящен доклад Н.Б. К о ч а к о в о й (Москва) «Сакральный праздничный календарь Иле-Ифе (Нигерия)». Мифологизированную историю города Иле-Ифе воспроизводят 38 основных праздников, объединяя не только традиционалистов, но и мусульманское и христианское население. Праздничный цикл служит ослаблению вражды между общинами, укреплению социальных и политических связей между людьми, упорчению власти правителя города.

Н.Г. А л о е в а (С.-Петербург) в докладе «Гувинский циклично-годовой обряд *оваа-дагыр* (по коллекциям Ф.Я. Кона, хранящимся в Российском этнографическом музее)» показала, что к началу XX в. моления у каменных груд «оваа», возведенных в честь духа-хозяина места, стали проводиться совместно шаманом и ламой, ранее конкурировавшими между собой за право проведения молений на почитаемых родовых оваа. В докладе проведена аналогия между шаманом/ламой как жрецом общественного культа и женщиной – жрицей домашнего культа.

В докладе А.А. Б у р ы к и н а (С.-Петербург) «Традиционный календарь, счет сезонов и возраста у эвенов» описана архаичная антропоморфная календарная модель, согласно которой счет месяцев ведется по частям тела человека, включая голову, плечевой пояс и суставы рук. Любопытный феномен – семейный календарь эвенов – «чивессэ» – результат их христианизации, предназначенный главным образом для фиксации дней почитания святых и дат некоторых церковных праздников.

Тему синтеза народного и христианского календарей продолжил доклад А.А. Ч у в ь ю р о в а (С.-Петербург) «Время и календарь в традиционной культуре коми Верхней и Средней Печоры». Церковный календарь печорских коми как старообрядцев-беспоповцев был ориентирован на христианские праздники, оформившиеся до реформ Никона. Поскольку особенности идеологии старообрядчества наиболее ярко проявляются в эсхатологических воззрениях, значительная часть доклада была посвящена описанию представлений современных коми о «последних временах».

К.К. Л о г и н о в (Петрозаводск) в докладе «Русский народный календарь и народный календарь Заонежья» обратил внимание на проблему вариативности общерусского народного календаря («месяцеслова», «численника»), проявляющейся на нескольких уровнях: пояском (южно-, средне- и северорусская зоны), региональном и локальном. Последний, наиболее конкретный, рассмотрен на примере Заонежья (праздники в честь Ионы Клименецкого, Корнилия Палеостровского, «Идола» на о-ве Радколье).

В докладе «Народный календарь манси» Д.В. Г е р а с и м о в а (С.-Петербург) привела названия

месяцев на разных диалектах мансийского языка. В основе номинации месяцев у манси лежат природные явления и периоды годового хозяйственного цикла (у южных манси – земледелие, у северных – оленеводство, у всех групп – охота и рыболовство).

Третий блок докладов вызвал большой интерес с точки зрения проблемы глубоких культурных корней некоторых обыденных представлений.

Цель доклада И.И. Ш а н г и н о й (С.-Петербург) «Понедельник» состояла в том, чтобы выявить корни представлений русских о понедельнике как о «тяжелом» дне. Это следующие традиционные воззрения: символическая связь понедельника с Луной, которая всегда ассоциировалась с загробным миром; обычной понедельничать, т. е. поститься в понедельник, а также поминать в этот день умерших; представления о понедельнике как о дне, определяющем развитие событий на всю неделю; связь с похмельем – «похмельник»; день очищения после масленицы – первый день Великого поста.

В докладе В.А. Д м и т р и е в а (С.-Петербург) «Суточные ритмы поведения в традиционной культуре народов Северного Кавказа» показано, что внутреннее членение суток в данной традиции подвижно и определяется разными причинами: хозяйственными (время пастуха, например, отличалось от времени косаря или пахаря), религиозными (у мусульман в отличие от христиан ритм молитв строго определяет ритмы суточного поведения), бытовыми (в регионе отмечается наличие двух моделей ритмов суточного поведения: упрощенной (три части: утро, день, вечер), а также подробной (до девяти частей – у адыгов).

Тема «отрицательного» времени, когда активны демонические силы, объединила доклады В.Ю. К р ю - к о в о й (С.-Петербург) «Ночь в зороастрийском bestiarii», М.М. В а л е н ц о в о й (Москва) «Магия суточного времени: сумерки», О.Г. Б а р а н о в о й (С.-Петербург) «Отрицательное качество времени в образах потустороннего мира у русского народа». В.Ю. Крюкова на основе анализа текста Авесты заключила, что зороастрийцы считали ночь опасным периодом, связанным с ритуальной нечистотой. Это время, когда верующие нуждаются в особой защите, которую, в частности, могли обеспечить животные – благие создания Святого Духа – петух и собака. К числу «собак» зороастрийцы относили также ежа, ласку, дикобраза, выдру. М.М. Валенцова на широком славянском материале показала, что традиция накладывает запреты практически на все виды деятельности в сумеречный период. Зато для общения с потусторонним миром (гадания, магия, лечение) это наиболее подходящее время. Магические медиаторы для ослабления негативного влияния сумерек – свет, огонь, очаг, печь и печная утварь, хлеб. О.Г. Баранова привела данные, что, по представлениям русских, наиболее опасные моменты суток – полдень и полночь. Так, в полночь появляются баинный хозяин, буки, ведьма, кикимора, водяной хозяин, водяника, волкодлак – оборотень, полуночица. В течение календарного года опасны святки, Иванов и Петров дни, Воздвиженье, когда активны ведьмы, домовая, водяная.

Проблема временных этапов в ритуале привлекла наибольшее внимание исследователей, поэтому четвертый блок докладов оказался особенно крупным.

Т.Д. Б у л г а к о в а (С.-Петербург) в докладе «"Дорога времени" в традиционных представлениях нанайцев» показала теснейшую связь времени и пространства в традиционной картине мира этого народа. Поток событий понимается нанайцами не как уходящий в прошлое, а как конденсирующийся в определенном месте. Если событие было пространственно разъединено, то актуализируется категория «дорога времени». Время мыслится также в образе реки и дерева.

Расшифровке временных символов, закодированных в структуре артефакта, был посвящен доклад А.Б. О с т р о в с к о г о (С.-Петербург) «Константы времени в старообрядческих лестовках». Основа структуры лестовки (варианта христианских четок) – это 100 *бабочков*, разделенных тремя перегородками (ступенями) на четыре количества: 12+38+33+17. Еще по три ступени имеется по краям, итого их девять. Интерпретация количеств, согласно «Сказанию о лестовке»: 12 апостолов, 38 недель Христа во чреве, 33 года земной жизни Христа, 17 пророчеств о Христе в Ветхом Завете, 9 месяцев Христа во чреве. Задавшись вопросом, что стоит за семиотической избыточностью указания и числа месяцев и числа недель Христа во чреве, докладчик пришел к выводу, что при соответствии 9 месяцев 38 неделям величина месяца составляет 29 (5) дней, что равно лунному месяцу. Расположение количества 38 вместе с константой 33 середине движения по молитвенному кругу, вероятно, символизирует Пасху – центральное событие христианского учения и как бы еще раз маркирует увязку времени наступления Пасхи с Луной.

О.В. Лы с е н к о (С.-Петербург) выступил с докладом «"Укroщение" времени: ритуалы аграрного цикла в белорусской этнокультурной традиции», в котором описал модель аграрного цикла в параметрах абсолютного и относительного времени, соответствие между которыми поддерживается на основе структурных преобразований относительного. В связи с этим предложена следующая схема: прош-

лое/начало (пахота и сев) – настоящее (созревание урожая и охранные ритуалы) – будущее/конец (зажин-жатва-дожинки), где каждый период соотносится с уровнями относительного времени: природными условиями, днями недели, структурой суток.

С.П. В и т я з ь (Минск, Белоруссия) в докладе «Календарно-хронологический аспект семейно-бытовой обрядности белорусов» рассмотрел основные временные параметры свадебного обряда, заострив внимание на ценности векового народного опыта, который необходимо сохранять в интересах духовного и физического здоровья этноса.

Проблему маркировки ритуальных периодов специальными текстами затронул доклад И.В. К о р о л ь к о в о й (С.-Петербург) «Лирические песни северо-западных областей России: временная приуроченность фольклорных текстов». Как показано автором доклада, лирические женские песни имеют статус ритуального действия, ориентированного на те отрезки суточного и годового цикла, специфика которых – актуализация представлений о существовании связи между общиной и миром предков-покровителей.

Ряд докладов был посвящен временным характеристикам похоронно-поминальной обрядности. П.И. К у т е н к о в (С.-Петербург) в докладе «Временные этапы поминовения в знаковом облике кручинной одежды (на примере сел Земетчинского района Пензенской области)» привел редкие материалы о четырех типах поминальных рубах, носимых последовательно на разных этапах «кручины» по умершему. Динамика знаковости по мере удаления от максимальной степени траура такова: от белой, без декора в сторону усложнения вышитого орнамента на поляках – полуромб – ромб с продленными сторонами – два ромба или ромб в сочетании с S-образной фигурой.

А.В. П о л я к о в а (С.-Петербург), выступившая с докладом «Временные ориентации в похоронно-поминальной обрядности (на примере традиций северо-западных районов Смоленской области)», характеризовала время в данных обрядах как переходное из обыденного в вечное. Процесс перехода включает несколько временных этапов, с каждым из которых в указанном регионе связаны особые сюжеты причитаний: покойник в доме (тогда «передают приветы» умершим ранее); вынос гроба и дорога на кладбище (звучат мотивы запустения и «невозвратности»); захоронение (поверья о встрече души покойного с душами других умерших); поминальные дни (призывание помощи «честных родителей»).

Тема временной приуроченности поминальных текстов нашла продолжение в докладе Т.И. М а т в е е в о й (Улан-Удэ) «Пространственно-временные связи в похоронных голошениях конца XX века старообрядцев Забайкалья». Согласно полевым данным докладчицы, голошения начинаются с момента помещения покойника в гроб и заканчиваются после возвращения с кладбища. Среди пространственных локусов в голошениях фигурируют дом, дверь, окно, кладбищенская оградка.

А.И. Т е р ю к о в (С.-Петербург) в докладе «Поминальная обрядность народов коми и календарь», основываясь на тезисе В.Я. Проппа об аграрно-магических целях заупокойного культа, счел возможным рассмотреть поминальную обрядность в рамках календарной. Им выделены три группы поминальных действий у коми: поминки в день похорон; поминки в течение шестинедельного хождения души по земле (3, 6–7, 9, 20, 40-й дни); календарные поминки в честь всех умерших (Мясопустная, Троицкая, Покровская, Дмитриевская субботы, часто и Семик).

Пятый блок докладов, посвященный символизации возрастных классов, открыла Е.Г. Ф е д о р о в а (С.-Петербург) докладом «Путь человека (по материалам этнографии манси)». Она предложила рассмотреть жизненный путь человека как специфическую временную категорию, соответствующую периоду пребывания человека в среднем мире. Этапами этого пути у манси, маркированными определенным образом, были: колыбельный период (до 3–4 лет), социализация (до наступления половой зрелости), период запретов (до брака), расцвет сил (до окончания фертильности), старость (до ухода из жизни), уход души-дыхания (до похорон).

Н.Н. П р о к о п ь е в а (С.-Петербург) в докладе «Время и возраст человека в традиционной картине мира восточных славян» раскрыла систему различных культурных кодов, применяемых у славян для определения возраста. Так, социальный код определяет два главных этапа: до и после свадьбы; животный код соотносит образ животного с возрастом (медведь – зрелость); растительный код – поросль = молодежь; астрономический – молодой (месяц) = молодой человек.

В докладе Т.Г. Е м е л ь я н е н к о (С.-Петербург) «Символизация возрастных периодов: ткани и цвет в традиционном costume узбеков Ферганы» рассмотрена, в частности, роль цветового кода в маркировке главных жизненных вех человека. Как выясняется, именно белый цвет преобладает у узбеков в одежде новорожденного, жениха и невесты, старика в «возрасте Пророка», также белым является и последнее одеяние человека – саван.

Шестой блок докладов охватил тему народной этногонии и этиологии. В докладе Е.Л. Тихоной (Улан-Удэ) «Категория времени в русских преданиях о заселении и освоении Восточной Сибири» констатировалось, что время в преданиях по законам жанра носит условно-исторический характер, но тем самым предания насыщают пространство временем, втягивают его в историю, выстраивая образ Сибири как великого хронотопа Российского государства. О.В. Белова (Москва) в докладе «Время в славянских этиологических легендах и поверьях» остановилась на проблеме механизма действия времени в этих фольклорных формах (своеобразная «игра со временем»). Автором рассмотрены такие сюжеты поверий, как человеческая история, этническая история и происхождение разных народов и др. Л.Ф. Попова (С.-Петербург) выступила с докладом «Историческое время в восприятии казахов XIX века», где охарактеризовала различные аспекты исторического времени: этноисторический (представления об истории на уровне этноса), генеалогический (родовой), династический. По мнению докладчика, родовое время до конца XX в. имело для казахов особую значимость, но позднее актуальным для человека стало также ощущение этноисторического времени, но уже в новой системе ценностных координат, сформированной новым временем.

При подведении итогов конференции ее участники были единодушны во мнении, что состоявшиеся научные контакты были плодотворны в плане обмена знаниями, теоретическими разработками, сведениями о круге источников, привлекаемых для анализа представлений о времени в различных культурах. Весьма интересной оказалась проблема концепций времени, нуждающаяся в дальнейшем теоретическом осмыслении, разработке номинаций тех или иных аспектов восприятия времени. Тема времени в различных культурных традициях всегда будет интересна исследователю, поскольку, говоря словами Томаса Манна, которые привел в своем докладе Л.С. Клейн, «... у времени нет делений, дабы отмечать его прохождение... Даже когда наступает новый век, это только мы, смертные, звоним в колокола и стреляем из ружей».

Примечание

¹ Время и календарь в традиционной культуре: Тез. докл. Всероссийской научн. конф. СПб., 1999.

Л.Ф. Попова

© 2001 г., ЭО, № 2

ЦЕНТР СИБИРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСПАНИИ

24 октября 2000 г. в Сан-Джуст Десверн, пригороде Барселоны (Испания), состоялась церемония официального открытия Центра сибирских исследований «Aula de Estudios Siberianos», созданного по инициативе антрополога Кармен Арнау Муро, докторанта департамента антропологии Университета Барселоны. Во второй половине 1990-х годов К. Арнау, специализирующаяся на этнологическом исследовании шорцев, собрала обширные уникальные материалы по социальным связям и традиционному мировоззрению у шорцев среднего и верхнего течения р. Мрас и верховьев Кондомы. В настоящее время К. Арнау – единственный испанский исследователь, целенаправленно занимающийся этнографией народов Сибири. С 1997 г. она постоянно контактирует с отделом Крайнего Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН. Энтузиазм и профессионализм Кармен Арнау нашли понимание и финансовую поддержку в администрации города Сан-Джуст Десверн, выделившей специальное помещение и приобретшей для работы центра компьютерное и офисное оборудование.

Основные направления научной деятельности Центра формулируются следующим образом:

- 1) проведение ежегодных экспедиционных исследований у коренных народов Сибири;
- 2) научно-исследовательская работа (обработка экспедиционных материалов, аналитическая работа);
- 3) широкая публикация полученных результатов (в научных и научно-популярных книгах и статьях) научно-просветительская работа, выставки, семинары, конференции и т.п.).